

Шао Лиюй заметил, как у Тун Даоцзюня засияли персиковые глаза, когда тот посмотрел на ребёнка у него на руках. Взгляд Шао Лиюй потеплел от улыбки, и он тут же сунул маленького Четырнадцатого принца прямо ему в объятия.

Тун Даоцзюню ещё никогда не доводилось держать на руках столь мягкое, пухленькое и хрупкое создание. Его движения были немного неуклюжими, он старался двигаться как можно нежнее, смертельно боясь причинить маленькому принцу боль.

Глядя на то, как осторожно и трепетно действует Тун Даоцзюнь, Шао Лиюй почувствовал, как его сердце переполняет нежность. Он протянул руку, обнял его за плечи и легонько поцеловал в щеку.

— Хуншу, будешь растить Юй-яра вместе со мной? Согласен?

Эта простая фраза заставила сердце Тун Даоцзюня бешено заколотиться. Повернувшись, он встретился взглядом с глубокими, темными глазами Шао Лиюя и вымолвил:

— Старший принц, такими словами нельзя бросаться на ветер. С тех пор как они встретились с Шао Лиюем, между ними сохранялись крайне двусмысленные отношения: они держались за руки, обнимались и целовались, но так и не перешли последнюю черту.

Тун Даоцзюнь очень наслаждался тем чувством, которое давало ему общение с Шао Лиюем, однако он прекрасно понимал, что не сможет выйти замуж за Шао Лиюя так, как это предписывала изначальная траектория этого Мира.

К тому же, после выполнения задания он должен будет покинуть этот Мир — как раз в то самое время, когда Шао Лиюй взойдет на императорский престол.

Шао Лиюй возьмет в жены женщину, которая станет его Императрицей, а также множество других наложниц, и эти женщины родят ему наследников, способных продолжить его род. — Я никогда не бросаю слов на ветер.

Шао Лиюй крепко сжал руку Тун Даоцзюня, и в его взгляде читалась предельная серьезность.

Слегка опустив веки и избегая взгляда Шао Лиюя, Тун Даоцзюнь произнес:

— Ты — старший принц Великой Юй, в будущем тебе предстоит жениться и обзавестись наследниками. Я же — наследник поместья Цзинъаньского хоу, которому суждено унаследовать этот титул.

Взгляд Шао Лиюя потемнел, он сжал руку Тун Даоцзюня еще сильнее и вымолвил:

— Я не стану ни жениться, ни заводить детей. Разве что ты выйдешь за меня, станешь моей женой... и родишь мне ребенка.

Эти слова, начавшиеся столь серьезно, вдруг приняли крайне легкомысленный оборот. Тун

Даоцзюнь легонько пнул его, сердито сверкнул глазами и бросил:

— Сам я родить не смогу, к тому же мне еще предстоит стать хоу Цзиньанем.

Шао Лиюй тихо рассмеялся и ответил:

— Раз ты не можешь родить, а я не женюсь, и при этом тебе нужно стать хоу, давай и дальше вместе воспитывать Юй-эра.

Этот смысл был выражен более чем ясно и понятно.

Тун Даоцзюнь посмотрел на Четырнадцатого принца, который неизвестно когда заснул у него на руках, слегка поджал бледные губы и перевел взгляд на Шао Лиюя:

— Только не забудь то, о чем говорил сегодня.

— Никогда не забуду. Это печать моего обещания.

Придвинувшись ближе, он запечатлел поцелуй на губах Тун Даоцзюня. Прищурившись, Тун Даоцзюнь сам мягко коснулся его губ, сплетаясь в долгом и нежном поцелуе, и отстранился лишь тогда, когда их дыхание сбилось. Глядя на влажные, блестящие от слюны губы, Шао Лиюй слегка потемнел взглядом и, высунув язык, легко их облизал.

Тун Даоцзюнь не удержался и снова легонько чмокнул его в губы, после чего спросил:

— Почему Императрица велела Четырнадцатому принцу увязаться за тобой?

Если не брать в расчет, что у Шао Лиюй еще нет ни жены, ни детей, то во дворцовых покоях и без того хватало слуг и евнухов — уж до того ли дошло, чтобы он, Старший принц, лично присматривал за младшим братом. Взгляд Шао Лиюй слегка замерцал. Он посмотрел на младшего брата, который сладко спал на руках у Тун Даоцзюня, и произнес:

— Здоровье матери, боюсь, ухудшилось. Братик еще совсем мал, а матушка не может за него не тревожиться, поэтому она вымолила у отца высочайшую милость, чтобы брата передали на воспитание мне.

Услышав это, фениксовые глаза Тун Даоцзюня едва заметно блеснули, и он ответил:

— Хорошо, тогда будем воспитывать ребенка вместе.

Хозяин-асура, что ты думаешь по поводу того, что Императрица передала Четырнадцатого принца на воспитание Старшему принцу?

Впервые встретив Сына Небесной Удачи в этом Море, и V587, и Тун Даоцзюнь отнеслись к этому чрезвычайно серьезно. Когда кормилица отнесла крепко заснувшего Шао Цзиньюя во Дворец Чунли к Старшему принцу, V587 также подключил к нему систему наблюдения, чтобы гарантировать полную безопасность. Удача Императрицы исчерпана. Тун Даоцзюнь легко вздохнул, и его взгляд упал на жёлтый лист, слетевший с ветки за окном.

Тому, кому суждено стать матерью государства, непременно дарована великая удача, но разве можно прожить спокойную жизнь, запершись в глубоких покоях дворца? Бесконечная череда интриг с наложницами мало-помалу истощала эту великую удачу, и когда её запас иссякнет, настанет час её гибели.

То, что Императрица, которой было предначертано увянуть во цвете лет, сумела продержаться и родить Сына Небесной Удачи, чьё появление вышло из-под контроля судьбы, уже само по себе было огромным чудом.

Тебе нужно держать ухо вострую и следить, чтобы всякая мелкая сошка не навредила малышу.

С появлением Сына Небесной Удачи можно сказать, что задание Тун Даоцзюня по мятежу в этом Мире было выполнено уже больше чем наполовину. Стоило ему успешно бросить вызов Сыну Судьбы и отсечь все нити удачи, привязывающие этот Мир к Сыну Судьбы, как траектория всего Мира изменилась бы, вырвавшись из-под власти рока.

Слушаюсь, хозяин, можете не переживать. Я буду следить за всем самым тщательным образом и ни за что не позволю Сыну Небесной Удачи совершить хоть малейшую ошибку. V587 тоже впервые столкнулся с Сыном Небесной Удачи, поэтому переполняющие его эмоции были невероятно сильны.

Что интересного ты углядел за окном? Красивое и утончённое лицо внезапно оказалось совсем близко, загородив ему вид на окно.

Тун Даоцзюнь моргнул, затем протянул руку и слегка ущипнул это прекрасное лицо, заговорив:

— Раз уж учебное задание на сегодня определено, давай напишем картину на летнюю тему. Я слышал, что у Старшего принца просто бесценная кисть.

Строго говоря, хоть он и занимал должность наставника Старшего принца, объём заданий, которые ему действительно приходилось преподавать, был невелик. Шао Лиюй был до крайности умен, и учить его было практически нечему. Ежедневные встречи в Верхней Академии стали для них обоих источником величайшей радости, и оба они хранили это молчаливое понимание.

— Хорошо, — кивнул Шао Лиюй, соглашаясь.

— Хозяин, есть новости! — раздался голос B587, после чего в сознание Тун Даоцзюня была внедрена целая картинка.

Цзянь Цзяньжэнь неожиданно разыскал Шао Сисюна, и они договорились встретиться в Комнате Белого Лотоса на третьем этаже ресторана «Пьяный аромат», чтобы тайком

сговориться о том, как навредить ему.

Тун Даоцзюнь не удержался и фыркнул со смеху. Сидевший рядом Шао Лиюй обнял его за талию и поцеловал в изогнувшиеся в улыбке губы.

— Что так тебя рассмешило?

Тун Даоцзюнь бросил на него взгляд, затем собрал разложенные на столе книги, кисти и тушь со словами:

— Час службы подошёл к концу, так что министр вполне может и порадоваться. До завтра, мой принц.

Послав Шао Лиюю воздушный поцелуй, Тун Даоцзюнь с улыбкой направился к выходу. Шао Лиюй уже собирался последовать за ним, как вдруг перед ним мелькнула тень — и преградила ему путь облачённая в чёрные одежды тёмная стражница с закрытым чёрной вуалью лицом.

Из-за этой заминки Тун Даоцзюнь скрылся из виду. Шао Лиюй, хоть и почувствовал лёгкую досаду, спорить не стал: он убрал с лица мягкую, едва заметную улыбку, вернув себе привычное отрешённое равнодушие.

— В чём дело?

Когда Тун Даоцзюнь вернулся в поместье Цзинъаньского хоу, уже стоял полдень. После обеда он ещё не успел вернуться в свою комнату отдохнуть, как к нему торопливо подбежал швейцар и передал запечатанный конверт.

— От кого это письмо? — глядя на конверт без единой подписи, Тун Даоцзюнь задал вопрос, прекрасно зная ответ.

Швейцар опустил голову и ответил:

— Мелкий не знает. Его передал какой-то слуга и велел передать письмо молодому господину, сказав, что господин всё поймет, стоит лишь заглянуть внутрь.

На самом деле письмо передал вовсе не какой-то чужой слуга, а тот самый молодой господин из Западного двора, приказавший отдать его наследнику маркиза. Если наследник станет расспрашивать, нужно повторить заученные слова. За это молодой господин даже пожаловал ему серебряный лян, пообещав выдать ещё один, когда всё завершится, но строго-настрого запретив кому-либо проговариваться.

Тун Даоцзюнь разорвал печать, вытащил листок бумаги, бегло просмотрел его и кивнул:

— Я понял. Можешь идти.

— Слушаюсь, — швейцар мысленно с облегчением выдохнул и поспешно удалился.

— Хозяин, пир явно не сулит добра, ты собираешься идти? — подал голос B587.

Тун Даоцзюнь, вглядываясь в строки письма, чуть приподнял уголки губ:

— Конечно пойду, почему бы и нет?

Он столько времени ждал столь удачной возможности, разве мог он от неё отказаться? Развернувшись, он вернулся в комнату, сладко проспал весь послеобеденный сон и поднялся лишь с закатом, чтобы отправиться на встречу.

Заметив, что он собирается покинуть поместье, Чжань Шань совершенно естественно последовал за ним. Тун Даоцзюнь на ходу замер и обернулся.

— Господин? — опешив от такого взгляда, Чжань Шань сохранил бесстрастное выражение лица, лишь в глазах промелькнуло недоумение.

— У меня есть для вас поручение.

Чжань Шань ещё не успел до конца осмыслить слово «вас», прозвучавшее в устах Тун Даоцзюня, как тот взмахнул рукой, подзывая кого-то в ветвях дерева посреди двора. Из густой листвы сорвалась человеческая фигура и опустилась на одно колено.

С тех пор как они поселились в Южном дворе поместья Цзинъаньского хоу, Чжань Шань знал, что на единственном росшем там большом дереве кто-то прячется. Мастерство этого человека было безупречно, к тому же Чжань Шань уже несколько раз видел, как тот угощает господина изысканными сладостями, а потому никогда не лез в чужие дела.

Тун Даоцзюнь поманил Ин-эра пальцем. Стоявший на коленях Ин-эр на мгновение замер, а затем поднялся и придвинулся ближе, прислушиваясь.

— Достань какого-нибудь зелья. Действие должно быть сильным и долгим, а потом...

— Подчиненный понял.

Ин-эр сложил руки в поклоне, легко коснулся носками земли и, взмыв вверх, в одно мгновение

растворился в темноте.

— Чжань Шань, можешь за мной не идти. Завтра спозаранку ты...

Тун Даоцзюнь наклонился к самому уху Чжань Шаня и быстро отдал приказ.

Чжань Шань моргнул, словно пытаясь переварить услышанное, после чего кивнул:

— Подчиненный понял.

— Ладно, я пошёл.

Тун Даоцзюнь довольно кивнул, заложил руки за спину и быстрым шагом направился прочь.

Тонкие белые пальцы ловко вскрыли бумажный свёрток, высыпая весь розовый порошок целиком в кувшин с вином. Плотно закрыв крышку и пару раз аккуратно взболтав сосуд, он поставил его обратно на стол. Затем он достал еще один бумажный пакет, развернул его, высыпал белый порошок в пиалу с соусом, тщательно размешал палочками и полил этим соусом хрустящую соломку из моркови.

– Ты добавил противоядие в это блюдо, а что если Хуншу тоже отведаст его? Разве не напрасно всё пропадет? – Шао Цзисюн слегка нахмурил брови.

Цзянь Цзяньжэнь посмотрел на него, поджал губы, легко улыбнувшись, и, мягко моргнув прекрасными глазами, произвел:

– Ваше Высочество, прошу не беспокоиться. Мой младший брат-наследник больше всего на свете терпеть не может вкус моркови. Если на гарнире хоть чуть-чуть окажется такое украшение, он к нему даже не притронется.

Услышав это, Шао Цзисюн расплылся в улыбке. Не удостоив Цзянь Цзяньжэня даже беглого взгляда, он махнул рукой:

– Превосходно. Если план удастся, твоя награда не заставит себя ждать. Хуншу скоро придет, ступай.

Лицо Цзянь Цзяньжэня слегка помрачнело. Кивнув Шао Цзисюну, он развернулся и вышел.

Вскоре в дверь отдельного кабинета постучали снаружи. Глаза Шао Цзисюна загорелись, и он произвел:

– Войдите.

Дверь отворилась. Помощник проводил Тун Даоцзюня внутрь и бережно прикрыл за ним створки. Увидев человека с несравненно прекрасной внешностью, облаченного в парчовый

хади́ф цвета индиго, Шао Цзисюн озарился улыбкой и поднялся навстречу.

– Ты пришел! – с этими словами он попытался взять Тун Даоцзюня за руку.

Тун Даоцзюнь отвел руку за спину, избегая прикосновения Шао Цзисюна, и сердито уставился на него:

– Раз уж Ваше Высочество изволили пригласить, смеет ли ваш слуга не явиться?

Его узкие глаза-фениксы излучали легкую обиду, а чуть приподнятые уголки глаз выглядели невероятно чарующе. От такого взгляда по спине пробежали мурашки, и Шао Цзисюн почувствовал, как у него во рту пересохло.

Почему раньше он не замечал, насколько этот человек притягателен?

– Это вина Вашего покорного слуги. Сегодня я пригласил тебя, чтобы принести извинения. Я был неправ, старший брат просит тебя простить его, – смягчив голос, заискивающе произнес Шао Цзисюн.

Ццц, это что, извинения такие? То и дело твердит: «я, этот принц», да «я, этот принц»! Хозяин, этот никчемный принц явно пытается задавить тебя своим происхождением!

О, да он меня и впрямь «задавить» не прочь! – холодно усмехнулся Тун Даоцзюнь.

Хозяин, и что же нам теперь делать? Это же поистине пир без добрых намерений! – встревоженно отозвался V587. Он неотрывно следил за этим никчемным принцем и, разумеется, прекрасно знал, какие грязные дела те воротили с Цзянь Цзяньжэнем не так давно.

Тун Даоцзюнь отмахивался от настойчиво лезшего к нему Шао Цзисюна, а его равнодушный взгляд скользнул по яствам на столе, графину с вином, в которое явно подсыпали кое-чего лишнего, и наконец замер на тарелке с политой соусом морковной соломкой. В его глазах промелькнуло глубочайшее отвращение.

Черт побери, на этот раз оплошал.

В своем прежнем мире Тун Даоцзюнь страдал тяжелой аллергией на морковь. В детстве однажды, выпив стакан морковного сока, он покрылся зудящей красной сыпью по всему телу. Его доставили в больницу для экстренной помощи, и он едва не скончался от анафилактического шока, с тех пор питая к моркови лютую ненависть.

А то, что Цзянь Цзяньжэнь узнал о его нелюбви к моркови, стало чистой случайностью. После того как император пожаловал ему титул наследника маркиза Цзиньань, Цзянь Чуцин, как бы сильно ни презирал его, был вынужден соблюсти приличия и устроил банкет для сородичей.

На том банкете подавали сладкий суп – тушеные белые грибы с леденцовым сахаром и грушей. Любящий сладкое Тун Даоцзюнь сделал глоток и обнаружил, что туда добавили морковный сок. Лицо у него тогда мгновенно позеленело. Кое-как дотерпев до конца приема, он выбежал в укромный уголок внутреннего двора и его вырвало. Именно в этот момент его и заметил Цзянь Цзяньжэнь, шедший из Западного двора.

Что ни говори, а Цзянь Цзяньжэнь – истинный Сын Судьбы этого мира: надо же было распутать весь клубок и выяснить, что тот терпеть не может морковь!

Черт побери, эти двое до чего же омерзительны! Хозяин, погоди-ка, возьми палочками хоть щепотку этой морковки, и весь их план рухнет! Тем более, после модификации системой твой нынешний организм уже не пострадает от тяжелой аллергии со смертельным исходом. – возмущенно проговорил V587.

Кхм, как там дела у Ин-эра? – сменил тему Тун Даоцзюнь, после чего позволил Шао Цзисюну усадить себя за стол.

Цзянь Цзяньжэнь только ступил за порог ресторана «Пьяный аромат», как Ин-эр совершил на него успешное нападение. – доложил V587.

Отлично.

– Хуншу, скрывать от тебя свое происхождение было ошибкой с моей стороны. Впоследствии я не раз наведывался в поместье Цзинъаньского хоу в поисках тебя, но так и не застал дома. Из-за этого дела мне даже довелось навлечь на себя гнев Августейшего отца и провести под замком немало дней, – с горькой обидой в голосе произнес Шао Цзисюн. Он взял графин, налил вино в две чаши и продолжил: – В тот день на Банкете Цюнлинь я сразу понял, что ты сердишься. Ну же, эта чаша – мои извинения перед тобой.

С этими словами он поднял чашу, осушил ее до дна и устремил на Тун Даоцзюня жгучий взгляд.

Глаза-фениксы Тун Даоцзюня слегка сузились. Глядя на стоящее перед ним вино, он чуть изогнул губы в улыбке и протянул руку к чаше.

Хозяин, Старший принц под предлогом навестить родственников испросил у императора разрешение покинуть дворец и направляется к ресторану «Пьяный аромат».

Движение руки Тун Даоцзюня, тянувшегося за чашей, едва заметно дрогнуло, но он без малейших колебаний осушил вино залпом. Насыщенный вкус Пьянящего Небесного Аромата был крепок, но не обжигал горло; казалось, густой аромат стал еще плотнее, однако из-за подмешанной отравы в нем отчетливо проступала терпкая кислинка, от которой питье становилось почти невыносимым.

Разделяя с Шао Цзисюном вино и беседуя словно в те времена, когда прежний хозяин тела был близок с ним, Тун Даоцзюнь и сам не заметил, сколько выпил и сколько съел. К блюду же с морковной соломкой в соусе он так и не притронулся.

Вскоре хмель ударил в голову, пробуждая действие отравы. Ощувив накатывающую волну головокружения, Тун Даоцзюнь бессильно осел на стол. Из самых глубин его тела поднялся жгучий жар, устремляясь к низу живота, требуя выхода и причиняя невыносимые мучения.

Хозяин!

Увидев, что Тун Даоцзюнь наконец потерял сознание, а от выпитого спиртного у самого слегка гудело в голове, Шао Цзисюн с облегчением выдохнул и нетвердой походкой поднялся на ноги.

Шатаясь, он подошел к Тун Даоцзюню и принялся разглядывать искустельную фигуру: раскрасневшиеся щеки, слегка нахмуренные брови, сомкнутые веки, прерывистое дыхание и слегка приоткрытые влажные губы. Не удержавшись, он протянул руку и нежно провел пальцами по лицу юноши.

Но стоило его кончику пальца коснуться влажной родинки под уголком глаза, как воротник его одежды сзади натянулся. Мощный рывок откинул его назад, и едва он успел повернуть голову, как на него обрушился сокрушительный удар.

Тяжело рухнув на пол, в самый момент потери сознания он успел заметить лишь черные сапоги появившегося незнакомца, после чего провалился во тьму.

Перешагнув прямо через поверженного на полу человека и даже не взглянув на Шао Цзисюна, он подошел к склонившемуся над столом Тун Даоцзюню, наклонился и подхватил его на руки.

Тот, кто по идее должен был находиться без сознания, вдруг распахнул глаза и одарил его чарующей улыбкой. В туманной пелене хмеля его глаза-фениксы лукаво блестели, и он уткнулся лицом в шею мужчины, вдыхая присущий только ему одному запах.

– Дорогой, от тебя так вкусно пахнет, – пробормотал он тихо, просунув руку под воротник халата мужчины и лаская его широкую грудь.

Одной рукой поддерживая прильнувшего к нему человека, Шао Цзисюн – точнее, Шао Лиюй – другой перехватил шаловливую руку. Лицо его помрачнело, в глазах вспыхнул гнев:

– Я отвезу тебя в поместье Цзинъаньского хоу.

Услышав слова Шао Лиюя, Тун Даоцзюнь словно немного протрезвел и запротестовал:

– Нет, я не хочу возвращаться.

У него оставалось еще одно важное дело, которое нужно было завершить до отъезда.

Оперевшись о плечо Шао Лиюя и вытянув шею, он посмотрел на лежащего без сознания Шао Цзисюна, захихикал и велел:

– Быстро, затащите его на кровать в кабинете!

Услышав приказ Тун Даоцзюня, Шао Лиюй слегка нахмурился и бросил взгляд на стоявших у входа охранников.

Получив указание, стражники ничтоточто сумняшеся плевали на происхождение Шао Цзисюна: схватив за воротник, они волоком приподняли его и перенесли на ложе во внутренней комнате. Тун Даоцзюнь же велел Шао Лиую отнести туда и его самого.

– Ну же, снимите с него одежду! – указал Тун Даоцзюнь на лежащего на кровати Шао Цзисюна.

– ...

Охранник опешил и растерянно посмотрел на Шао Лиюя.

Взглянув на бесчувственного мужчину на постели, Шао Лиюй слегка прищурился. Ни капли не дорожа братскими узами, он отдал приказ:

– Раздевайте. До нитки.

Охранник шумно вздохнул и ловко принялся срывать с Шао Цзисюна одежды.

Лениво прислонившись к груди Шао Лиюя и наблюдая за тем, как догола раздевают человека

на кровати, Тун Даоцзюнь залился счастливым смехом:

- Ццц, а фигура-то у него и впрямь неплохая! И грудные мышцы есть, и шесть кубиков пресса... Эй... чего это ты мне глаза закрываешь, я еще не нагляделся!

Внезапно лишенный обзора Шао Лиюем, Тун Даоцзюнь возмутился и попытался отнять его руку.

- Смотреть не дозволено, - произвел Шао Лиюй, жестом велел охраннику накрыть Шао Цзисюна одеялом, и лишь после этого отпустил его лицо.

Когда Тун Даоцзюнь снова смог взглянуть, Шао Цзисюн был наглухо укутан в одеяло, наружу торчала лишь голова. Поджав губы, он мягко прижался к плечу Шао Лиюя, прикрыв затуманенные глаза-фениксы.

- А где Ин-эр?

- Молодой господин, я здесь.

С этими словами из тени появился Ин-эр, взвалив на плечо бесчувственного Цзянь Цзяньжэня.

- Брось его на кровать. И тоже раздевай догола.

Движения Ин-эра были стремительны: в два счета он содрал с Цзянь Цзяньжэня всю одежду и запихнул под другое одеяло, оставив снаружи только голову.

Тун Даоцзюнь окинул взглядом двух лежащих рядышком под одеялами людей, у которых торчали одни головы, легко изогнул брови и перевел взгляд на Шао Лиюя, накручивая на длинный палец прядку его упавшей на висок пряди.

- И вот так двое мужчин в постели... неужели они именно так и спят?

Этот вопрос вогнал Ин-эра и стражника в полный ступор: разве спят не лежа на кровати, а как-то иначе?

- Этот сон совсем не похож на обычный, - холодно обронил Шао Лиюй и легко коснулся губами щеки Тун Даоцзюня.

Ин-эр и охранник на миг замерли, но тут же сообразили, в чем дело, и синхронно перевернули двух лежавших на постели голых людей под одеялами, придав им позу перекрещивающегося верха и низа.

- Доволен?

<http://bllate.org/book/22141/2306790>